

Игорь РОДИНКОВ

Деникин. Конец Ледяного похода

Игорь Родинков

Деникин. Конец Ледяного похода

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Родинков И. А.

Деникин. Конец Ледяного похода / И. А. Родинков — «ЛитРес: Самиздат», 2019

После гибели генерала Корнилова под Екатеринодаром командование над Добровольческой армией принял генерал Деникин. Ему удалось сохранить армию и вывести ее на Дон, где первопроходцев ждали радостные вести (восстание донского казачества и приход подкрепления в лице отряда полковника Дроздовского). Эта книга является продолжением написанной мною ранее военно-исторической повести «Последняя битва Корнилова» и описывает окончание Первого Кубанского (Ледяного) похода. Обложка оформлена автором.

Содержание

Вступление Деникина в командование армией. Прорыв кольца	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Вступление Деникина в командование армией. Прорыв кольца

Роковой снаряд, посланный рукой красного артиллериста, сразил генерала Корнилова. Деникин, принявший командование, снял осаду, и армия пустилась в бегство, бросая по дороге пушки, обозы и раненых соратников.

Солнце в это первое апрельское утро блистало весенними лучами. Осажденные выбрались из Екатеринодара, чтобы посмотреть брошенный добровольцами лагерь. Поле пятидневной битвы являло печальную картину... Всюду валялись расстрелянные гильзы, пустые консервные банки, патронташи, осколки стали, грязные портянки, окровавленные тряпки и трупы, трупы, трупы... По реке густо шла дохлая рыба. Покачиваясь и крутясь, плыли вздувшиеся лошадиные туши. Далеко несло тухлятиной.

В станице Елизаветинской по хатам нашли 64 тяжелораненых белогвардейца, при них врача и двух медсестер. Сорокин распорядился пока их не убивать, а перевести в лазареты Екатеринодара, чтобы потом втихаря расправиться с ними.

Но живые думали о живом. Сорокин приказал:

– Пехота, на подводы!.. Конница, вперед!..

И 10-тысячная армада бросилась вдогонку за отступающей на север Добровольческой армией. Настроение у победителей было бодрым. Хулиганская песня веселила душу.

Паровоз шумит,
Четыре вагона.
Ахвицеры за Кубанью
Рвут погоны...

Музыка рвала сердца.

Сорока наступает,
Усмехается.
Кадеты тикают,
Спотыкаются...

Красные партизаны и матросы, наступая врагам на пятки, снова погнались за ними по степям. В гривы конские были вплетены первые цветы, а на хвосты навязаны почерневшие от запекшейся крови золотые и серебряные погоны.

***

Проделав за сутки 50-километровый марш-бросок, вечером 1 апреля Добровольческая армия вошла в немецкую колонию Гначбау. Вступление Деникина в командование армией многие не приняли. Думали, что армию возглавит старший по званию Алексеев, или, на крайний случай, Марков. За Антоном Ивановичем, в отличие от жесткого Корнилова, закрепился авторитет либерала. Он был непонятен многим офицерам, ожесточившимся в войне и принимающим лишь карательный характер борьбы. Тем более Деникин был непонятен казакам.

Масло в огонь подлило известие, что в станице Елизаветинской оставили тяжелораненых. По армии пошли разговоры:

– Триста раненых бросили большевикам на расправу. Нет, при Корнилове такого никогда бы не было, ведь это на верное истязание...

Деникин сам узнал об этом только в Гначбау. Да, тяжелое наследство досталось генерал-лейтенанту. В строю осталось 3 тыс. бойцов из 6 тысяч, что было в соединенном кубано-добровольческом войске перед штурмом Екатеринодара. В обозе было 1,5 тысяч раненных и больных. Все были крайне утомлены и подавлены.

Но нужно было жить и продолжать борьбу. Тайно похоронив Корнилова и Неженцева, армия вечером 2 апреля 1918 года¹ покинула колонию Гначбау и двинулась на восток, чтобы вырваться из густой сети железных дорог и сосредоточиться где-то на сближении трех краев: Дона, Кубани и Ставрополя – и уже оттуда начать новый поход.

***

Во исполнение этого плана армии предстояло прорваться через линию Черноморской железной дороги и пробиться к станице Медведовской. Но противник уже подошел к колонии Гначбау с большими силами.

Деникин приказал частям 2-й бригады – остаткам Партизанского и Корниловского полков, а так же пластунскому батальону – выдвинуться за окраину колонии. Пятьсот бойцов залегли в окопах и приостановили наступление противника. Но артиллерийский обстрел колонии продолжался с исключительной силой. 1-я бригада (Офицерский и 1-й Кубанский полк), наиболее боеспособная часть армии, пошла в авангарде. Конница растворилась где-то на флангах.

Но не успели части выйти из колонии, как среди беженцев, в обозе и даже в некоторых полках началась паника. Это был наиболее напряженный день Первого Кубанского похода.

Генерал Деникин вспоминал в своих мемуарах: «Этот день останется в памяти первоходников навсегда. В первый раз за три войны мне пришлось увидеть панику. Когда люди, прижатые к реке и потерявшие надежду на спасение, теряли всякий критерий реальной обстановки и находились во власти самых нелепых, самых фантастических слухов. Когда обнажались худшие инстинкты, эгоизм, недоверие и подозрительность – друг к другу, к начальству, одной части к другой. Главным образом в многолюдном населении обоза. В войсковых частях было лучше, но и там создалось очень нервное настроение. Вероятно, среди малодушного элемента шли разные разговоры, потому что в продолжение пяти, шести часов в штаб приходили вести одна другой тревожнее. Получаю, например, донесение, что один из полков конницы решил отделиться от армии и прорываться отдельно... Что организуется много конных партий, предполагающих расплыться... Входит бледный ротмистр Шапрон, адъютант Алексева, и трагическим шепотом докладывает, что в двух полках решили спастись ценою выдачи большевикам старших начальников и добровольческой казны... предусмотрено какое-то участие в этом деле Баткина..., что сводный офицерский эскадрон прибыл добровольно для охраны генерала Алексева. От всякой охраны лично я отказался, но много позднее узнал, что тревожные слухи дошли до штаба 1-й бригады и полковник Тимановский² придвинул незаметно к штабу армии «на всякий случай» офицерскую часть.

Люди теряли самообладание, и надо было спасать их помимо их собственной воли. Мы с Иваном Павловичем³, который сохранял, как всегда, невозмутимое спокойствие, успокаивали волнующихся, спорили с сановными беженцами, добивавшимися права следовать чуть ли не с

---

¹ Все даты даются по старому стилю.

² Начальник штаба у Маркова.

³ Романовским – начальником штаба у Деникина.

авангардом, и ждали с нетерпением наступления все примиряющих сумерек. Часовая стрелка в этот день, как всегда в таких случаях, передвигалась с необычайной медленностью...

Перед самым закатом приказал начать движение колонны на север, по Старо-Величковской дороге. Движение замечено было противником, и лощину, где проходит дорога, большевики начали обстреливать ураганным огнем. Но уже спускалась ночь, огонь стал беспорядочнее, голова колонны круто свернула вправо и пошла на северо-восток по дороге на Медведовскую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.